

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О РУКОПИСЯХ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ МЕРТВОГО МОРЯ

В 1958 г. исполняется десять лет со дня публикации сведений о пещере-тайнике на побережье Мертвого моря. Огромный интерес не только ученого мира, но и широкой публики к найденным здесь древнееврейским и арамейским рукописям и их фрагментам обеспечил успех организации археологических поисков, за истекшие годы обследовавших местность систематически. Теперь история Ближнего Востока в эпоху эллинизма и Римской империи получила новые источники¹. Обследовано несколько десятков пещер, а найденные в них фрагменты исчисляются тысячами. Найденные материалы поступили в Палестинский археологический музей в Иерусалиме, где они должны храниться на все время описания и исследования. Для планомерного их изучения была образована международная комиссия из восьми человек, в числе которых представлены специалисты Англии, Франции, Америки, Германии и Польши. Члены комиссии периодически работают в Иерусалиме несколько месяцев в году. Недостаток материальных средств вынудил правительство Иордании разрешить иностранным научным учреждениям и частным лицам приобретать открытые материалы с тем условием, что до конца работы по исследованию и публикации их они останутся на месте в Археологическом музее. Несмотря на это условие, нет гарантии, что в дальнейшем при этой системе не пострадает целостность научного исследования и не будет затруднений в разработке многих частных вопросов для будущих поколений семитологов. Группа материалов со свитками и их фрагментами из 1-й Кумранской пещеры хранится в музее Иерусалимского университета, куда ее поместило правительство Израиля, купившее их².

К настоящему времени выяснилось, что в библиотеке пещер хранились все части библейского канона, даже такие, которым, казалось бы, не должно быть отклика в строгом мировоззрении сектантов (например, кн. Экклесиаста, Иова, Песни Песней). Пока еще не представлена список кн. Эсфири. Более всего были популярны Второзаконие, книга Исаяи, Псалмы и так называемые «Малые пророки». При помощи сличения разных списков³ ученые установили, что кумранские переписчики не имели перед собой единого текстологического канона и списывали с рукописей, изобилующих мелкими и крупными вариантами библейского текста. Все найденные и исследованные фрагменты Библии в общих чертах можно свести к трем основным группам версий. Первая из них очень близка масоретскому канону, как показал уже 1-й список Исаяи из Пещеры К¹⁴. Вторая группа родственна редакции самаританского Пятикнижия. Это доказывает, что расхождение иудейского и самаританского канонов сравнительно позднее и к началу эры еще не имело места. Последняя группа фрагментов восходит к спискам, положенным в основу древнееврейского оригинала Библии, с которого были сделаны переводы Септуагинты. Вполне четкое разграничение всех трех групп невозможно, так как налицо много фрагментов смешанного типа, сближающих одну версию с другой. Во всяком случае ясно, что традиция единой древнееврейской версии

¹ Общие сведения о начальной стадии работы, об открытиях и посвященных им изданиях см. в моем обзоре, ВДИ, 1956, № 1, стр. 87—102; А. П. К а ж д а н, Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря, «Вопросы истории религии и атеизма», 4, 1956, стр. 280—313.

² «Biblical Archaeologist», XVIII, № 2 (1955), стр. 45.

³ Представление о сложности и физической трудности этой работы дает яркий очерк Аллегро о свитках Мертвого моря: J. M. A l l e g r o, The Dead Sea Scrolls. The Story of recent manuscript discoveries and their momentous significance for students of Bible, Harmondsworth, Middlessex, 1956.

⁴ В специальной литературе последних лет принята унифицированная система обозначения материалов кумранской группы по месту происхождения номером пещеры с предшествующей буквой К (Q=Qumran).

в эту пору еще не сложилась, и Ямнийскому синадрону (рубеж I—II вв. н. э.) предстояла большая работа по отбору и унификации текста, впоследствии окончательно закрепленного масоретами (VII—IX вв. н. э.)⁵.

Дальнейшие поступления небиблейских текстов выявили среди них несколько комментариев на книги Библии, схожих с найденным ранее комментарием на кн. Хабаккука (Аввакума). Следует отметить, что и «Апокалипсис Ламеха», единственный свиток из 1-й пещеры на арамейском языке, после того как реставраторам удалось подготовить его к прочтению⁶, оказался комментарием на главы 5—15 книги Бытия. Кроме того, теперь известны комментарии на книги Михи (Михея), Цефании (Софонии), Наухма (Наума) и на книгу Псалмов. К апокрифической литературе принадлежат фрагменты «Книги Ноа», один из источников известного апокрифа «Книга Эноха», «Книга Тайн» и апокалиптическое описание «Нового Иерусалима» на арамейском языке.

Из сочинений, известных прежде только по греческой Библии, Септуагинте, в пещерах Кумрана открылась новая версия книги Сираха⁷ (Бен Сиры), книга Товита, которая нашлась и в еврейском и в арамейском изводах текста. Апокрифическая книга Юбилеев, популярная у кумранцев, отыскалась в пяти списках (один из них на папирусе), тогда как раньше ее знали лишь из латинского и эфиопского переводов. Находка оригиналов открывает широкие перспективы для изучения подлинника. Еще многочисленнее новые списки книги Эноха — восемь экземпляров, все на арамейском языке. В известных до сих пор греческой и эфиопской версиях отсутствуют некоторые части вновь найденного текста, например письмо Эноха к Шамазии и его товарищам, известное только из кумранских списков. С другой стороны, здесь отсутствуют некоторые места апокрифа, появившиеся позднее в текст переводов⁸. Отдельные части книги Эноха, по-видимому, обращались в литературе как самостоятельные произведения. Вновь найденный отрывок псевдоэпиграфа «Завещание Двенадцати патриархов» особенно интересен для истории христианской литературы, так как христианское происхождение некоторых мест издавна служило предметом научной дискуссии. Находка «Завещания Леви» в Кумране по-новому разрешает вопрос о христианской интерполяции, так как найденный фрагмент показал наличие 14-й главы, одной из тех, которые считались добавленными христианами.

Наибольшая сенсация вызвана медным свитком, найденным в марте 1952 г. в пещере КЗ. Лист тонкой меди длиной в 2 м 40 см и шириной в 30 см был склепан из нескольких меньших листов и при скатке разломился в местах сленки на две части. Изнутри свиток был покрыт письмом: квадратным шрифтом в столбец; характер письма и материала давал повод думать, что содержание свитка имело особое значение для кумранской общины, быть может, передавало регламент, тарифную сеть, расписание или что-нибудь подобное. Однако медь настолько подверглась коррозии, что невозможно было развернуть ее и прочесть текст. Куски были покрыты парафином и осторожно переправлены в Палестинский археологический музей, где несколько лет иска-

⁵ P. Kahle, *The Cairo Geniza (Schweich-Lectures)*, L., 1942.

⁶ Первая специальная работа о нем могла выйти только в конце 1956 г.: N. Avidan and Y. Yadin, *A Genesis Apocryphon*, Jerusalem, 1956. Сообщение в статье H. E. Del Medico, *L'État des manuscrits de Qumran*, «*Vetus Testamentum*», VII, 2(1957), стр. 138.

⁷ Еврейский оригинал, или версия Бен Сиры, был обнаружен в Каирской Генизе в конце прошлого века, так же как «Дамасский документ». См. издания H. Strack, *Jesus, der Sohn Sirachs*, Lpz, 1903, стр. III—VI; R. Smeend, *Die Weisheit des Jesus Sirach*, B., 1906, стр. LVI—LXII и VI—VIII.

⁸ См. Allegro, ук. соч., стр. 119. Cp. R. Meyer, *Der gegenwärtige Stand der Bearbeitung der Texte von Chirbet Qumran*, «*Forschungen und Fortschritte*», Jg. 30 (1956), H. 10, стр. 305—308.

ли способ развернуть их без вреда для содержания⁹. Весной 1955 г. Д. Аллегро предложил иорданскому правительству передать на время свиток Технологическому институту в Манчестере для очистки металла и раскрытия содержания. Так как свиток в художественном отношении не представлял ценности, то поступило предложение вскрыть его, разрезав на отдельные полоски. В июле того же года меньшая часть свитка уже была в Манчестере, где, под руководством ректора Технологического института доктора Баудена и профессора Райта Бейкера, ее распилили специально сконструированным прибором на полоски. Для предупреждения трещин и коррозии металла поверхность медного листа была покрыта аральдитовой мастикой. Разрезанные полоски меди очищались от пыли и патины с помощью бормашины, оборудованной нилоновыми щеточками, так что слипшиеся пласти металла разъединялись. Присутствовавший при этом Д. Аллегро прочитывал текст пластинок по мере его проявления, колонка за колонкой. Значение свитка, по словам Аллегро, превзошло все ожидания. Текст был нанесен на медь стилосом, но писец не имел опыта в работе с неподатливым материалом: вначале он писал крупными четкими буквами, затем сбивался на более мелкий и менее четкий почерк. Для того чтобы запутать непосвященного читателя, он нарочно делал ошибки. После того как одна часть свитка была открыта и прочитана, Аллегро составил транскрипцию, предварительный перевод и примечания и в конце ноября того же года переслал их Хардингу в Амман. В январе 1956 г. в Манчестер прибыла и была обработана таким же образом вторая часть свитка. Текст полного документа состоял из 12 колонок, начало которых находилось в глубине свитка. В апреле медный свиток вернулся обратно в Иорданию, и в печати широко распространилось известие о его расшифровке.

Свиток содержал, по определению Аллегро, опись имущества секты, укрытого в тайниках. Такое предположение высказывал ранее на основании немногих слов, прочитанных по выпуклостям букв, проф. К. Г. Кун¹⁰. Дальнейшая информация должна последовать за публикацией, которую подготавливает Ж. Т. Милик, сотрудник Французского археологического института в Иерусалиме.

К специфическому кругу литературы кумранской ессыской общины принадлежат новые экземпляры списков «Благодарственных гимнов», «Войны Сынов света с Сынами тьмы» (обнаружена в четырех экземплярах в пещере Q4) и «Устава», который теперь насчитывается в 11 списках. Правда, они представлены, за исключением первого, фрагментами (см. Аллегро, стр. 120—121). Сюда же относится фрагмент так называемых «Двух колонок», недавно опубликованный Бартеlemi (см. ниже). «Дамасский», или «Садокидский документ» найден теперь в семи списках, один из них — на папирусе¹¹. Некоторые части текста отсутствовали в известных ранее рукописях (см. ВДИ, 1956. № 1, стр. 92).

Для истории религии особенно важна группа документов, показывающая роль жрецов в секте, календарь жреческой службы и папирус с перечнем вечерних и утренних молитв на дни месяца.

Археологические раскопки в Хирбет Кумран, проведенные в 1954 и 1955 гг. Французским археологическим институтом совместно с Департаментом древностей Иордании, подтвердили полную достоверность показаний прежних поисков, расширив и дополнив сведения об истории поселения и о хозяйстве общины. Выяснилось, что жилым местом городище стало еще до VIII в. до н. э. Это доказано остатками стен и керамикой; среди черепков был найден остракон с древнееврейским текстом староханаанского письма. К сожалению, границ и очертаний древнейшего жилища установить не уда-

⁹ История свитка рассказана в приложении IV к очерку Аллегро (см. ниже). Здесь мы излагаем только основные факты.

¹⁰ Не все согласны с толкованием Куна — Аллегро. В частности, по сообщению И. Д. Амусяна, иного мнения по этому поводу держится известный немецкий семитолог Бардтке.

¹¹ Количество списков и материал одного из них, казалось бы, должны устранить окончательно подозрения С. Цейтлина в подделке, чего, однако, не произошло.

лось, так как оно было перекрыто постройками Хирбет Кумрана. Непрерывной преемственности в поселении нет. Судя по монетам, группа зданий общежития Хирбет Кумран была выстроена в конце II в. до н. э., в годы правления Иоанна Гиркана (135—104). На первых порах колония отличалась скромными размерами, но быстро расширилась и приняла форму двух больших зданий, разделенных площадкой, где помещались кухни, хлебопекарня, мельница, ямы для зерна. Жилой массив пересекал акведуки, который снабжал водой систему цистерн и бассейнов. К северу от домов простирался широкий двор, на юг открытая площадка доходила до начала мергельной террасы. Вдоль восточной границы участка тянулась длинная стена, и за ней открытое пространство отделяло жилое место от обширного кладбища¹².

На основании найденных монет и сообщений Иосифа Флавия руководитель раскопок, французский археолог Р. де Во, точно определил дату землетрясения, разрушившего здание и положившего конец первому периоду его существования, 31 г. до н. э. Поселение оставалось разоренным до конца царствования Ирода Великого (4 г. до н. э.)¹³. Оно вновь отстроилось и расширилось при его сыне Архелее и существовало до I Иудейской войны (66—70 гг. н. э.). Остатки римских осадных насыпей и наконецники стрел в полутораметровом культурном слое показали, что Хирбет Кумран послужил пунктом активной обороны против X легиона римских войск, методически опустошавшего местность между Иерихоном и Мертвым морем (Jos. Flav., Bell. Jud., IV, 8). Сопротивление оказывали, по-видимому, войска zelotot, действовавшие в этом районе, но вполне возможно, что их поддерживала известная часть сектантов. Подавив сопротивление и разрушив здание, римляне оставили в развалинах гарнизон, который приспособил их к своим нуждам. Гарнизон простоял здесь до II Иудейской войны (132—135 гг. н. э.), когда повстанцы снова завладели Хирбет Кумраном и использовали укрепление для прикрытия коммуникаций в районе Иерихон — Энгади. После их разгрома кумранское поселение было разрушено навсегда.

Весь вид открытого жилищного ансамбля свидетельствует, что он предназначался для жизни коллектива, число членов которого могло достигать до 500 человек. Комнаты необыкновенно велики для того времени: они служили залами собрания, складами и кухней. Имелась своя гончарная мастерская, кузница (?), несколько мельниц. Маленькие жилые помещения служили для охраны здания и как помещения для администрации. Основная масса общинников жила неподалеку от здания в искусственных и естественных пещерах, в хижинах и в шатрах. Археологам удалось найти кольца для шатров, запрятанные в пещерах, столбы каркаса хижин, следы которых обнаружены в грунте. Пещеры тянутся в горной гряде пещью в 6 км длины. Здесь-то и были обнаружены основные массы рукописных фрагментов, письмом и содержанием тождественные найденным ранее. Одна из находок 1955 г. заставила предположить обычай ритуальной трапезы: вдоль внешней стены поселения в глиняных сосудах были обнаружены кости мелких домашних животных, остатки вареного и жареного мяса. Все данные говорят за то, что население Хирбет Кумрана устроило свою жизнь на началах примитивного коммунизма, и это заставляет видеть в нем одну из ессейских общин.

Задача раскопок 1956 г. заключалась в проверке на месте составленных прежде планов помещения и предполагала провести новые вскрытия грунта. Дополнительные раскопки намечались на кладбище с целью получения более точных сведений о поле и возрасте членов общины. Кроме того, открытые следы сооружений у источника Айн-Фешха и между источником и главным зданием нуждаются в дополнительном изучении, для того чтобы установить, входили ли они в общий комплекс жилых и служебных помещений¹⁴.

¹² Делъ Медико, ук. соч. (см. прим. 6), стр. 128—138, считает, что наличие кладбища исключает возможность еврейского поселения рядом. В здании он видит некрополь с помещением для заупокойных трапез.

¹³ Jos. Flav., Bell. Jud., I, 19; Antiquit., XV, 15.

¹⁴ R. de Vaux, Les fouilles de Knirbet Qumran, CRAI, 1955, стр. 378—386 с 4-мя фотоиллюстрациями. См. также Allégro, ук. соч., стр. 86—90.

Обилие новых материалов и постепенное раскрытие их содержания делает неизбежным появление все новых обзорных очерков, начиная с коротких статей в научно-популярных журналах и кончая большими исчерпывающими монографиями.

Не имея возможности рассмотреть все достижения в этой области, отмечаем здесь несколько наиболее важных монографий, авторы которых принадлежат к видным исследователям кумранской библиотеки, приступившим к работе над источниками с начала их открытия. До сих пор в центре обзоров стоит первичная находка, которая к настоящему времени опубликована целиком¹⁵ и, таким образом, дает почву для систематических исследований. Это же характерно для рассматриваемых здесь монографий. Авторы помещают новые поступления в виде суммарных обзоров.

Исчерпывающую сводку сделанного до 1955 г. приводит книга профессора Пэльского университета М. Барроуса, издателя текста книги Исаяи (пространного списка), Комментария на книгу Хабаккука и «Устава общины»¹⁶. Монография, по словам автора (стр. XV), рассчитана на любознательного читателя, желающего подробно ознакомиться с «величайшим открытием нашего времени». В то же время полнота сообщаемых сведений делает работу важным справочником для специалиста.

Необходимые для специалиста указатели отсутствуют, так же как точные ссылки на литературу. Этот недочет частично восполняется обстоятельным библиографическим списком на 16 страницах (стр. 419—435), пополняющим более раннюю библиографию Роули¹⁷. Помимо обзорных частей, книга содержит английские переводы некоторых текстов (Дамасский документ, Комментарий к Хабаккуку, Устав, избранные места из «Войны Сынов света с Сынами тьмы» и избранные места из «Благодарственных гимнов»), а также 10 таблиц с превосходными фотографиями места находки — Хирбет Кумрана, археологических материалов и рукописей. Одна таблица воспроизводит карту местности. Автор ставит себе задачу прежде всего показать возникновение проблем, их взаимосвязь и способы разрешения с их сильными и слабыми сторонами. Лишь после этого он подводит итог, стараясь извлечь из исследования определенный положительный результат. В своих выводах Барроус чрезвычайно осторожен и предпочитает оставить спорный вопрос открытым, нежели дать ему разрешение на основе субъективной оценки фактов. Но так как в монографии он должен сообщить читателю уже достигнутые результаты, то иногда ему приходится принять определенную сторону, заявив свое мнение. Первая часть обстоятельно излагает всю историю открытия, в котором сам автор сыграл заметную роль, будучи одним из первых специалистов, приглашенных в монастырь св. Марка для экспертизы рукописей. Его рассказ, имея значение показаний очевидца, дополняет наблюдения проф. Сукеника¹⁸. Как известно, история находки настолько своеобразна, что может дать материал для беллетристического произведения. Во второй части ставится вопрос о датировке рукописей, исходя в первую очередь из данных археологии и палеографии, затем из содержания и языка текстов. В этом разделе работа Барроуса скорее реферативна. Фрагменты Кумранских пещер он считает остатками большой библиотеки, укрытой при бегстве из общины, и, возражая против теории «генизы»¹⁹, справедливо указывает, что факт нахождения в пещерах медного свитка лучше всего опровергает эту теорию, так как медь не могла быть в таком обветшалом состоянии, чтобы возникла потребность хранить ее в генизе. В части датировки наиболее убедительны показания археологии. Писчий материал, кожа и папирус, указывает на древность (ранее IV в. н. э.). По сумме признаков дати-

¹⁵ Последним подготовлен к изданию текст комментария на главы Бытия, табл. II, XIX—XXII: N. Avigad and Y. Yadin, *A Genesis Apocryphon. A Scroll from the Wilderness of Judaea, Jerusalem, 1956.*

¹⁶ M. Burrows, *The Dead Sea Scrolls*, N. Y., 1955.

¹⁷ H. H. Rowley, *The Zadokite Fragments and the Dead Sea Scrolls*, Oxf., 1952, стр. 88—125.

¹⁸ Э. Л. Сукеник, *Oṣar ha-megillôt ha-gênuzôt* (см. ниже), введение и выдержки из дневника.

¹⁹ Кладовая-кладбище для обветшалых рукописей и книг при синагогах.

ровка письменных памятников растягивается на период 300 г. до н. э.— 70 г. н. э. Рассмотрев текстологические варианты, Барроус приходит к выводу, что некоторые из них по значению превосходят и масоретский канон и Септуагинту. Интересно замечание о том, что масоретский текст в книге Исая сохранил языковую форму, близкую к иерусалимскому диалекту, тогда как кумранские списки показывают влияние провинциальных говоров. Естественно, что среди кумранцев могли сохраняться списки, бытовавшие в народной еврейской среде, а масоретский канон был обработан в духе жреческой традиции. Все тексты написаны ранее 70 г. н. э., но между ними могут быть промежутки. По предположению Барроуса, Апокалипсис Ламеха²⁰, «Война Сынов света...», свиток Исая из Иерусалимского университета списаны в первой половине I в. н. э. Очень многие мелкие фрагменты следует датировать между 100 г. до н. э. и 70 г. н. э. Документы из Вади Муррабб'ат позднейшего происхождения (некоторые из них точно датируются первой четвертью II в.). В следующей части обзора Барроус старается определить возраст произведений из их содержания. Большое внимание он уделяет Комментарию к Хабаккуку, перечислив основные гипотезы с их аргументацией. Народ *kitmim* он считает римлянами, в согласии с Дюпон-Соммером, Фандер Плугом, Эллигером и др. Специфический признак он также усматривает в словах комментария о том, что завоеватели поклоняются своему оружию и «значкам»²¹. Слово «*hēma*» — скот, животные, — при помощи которых *kitmim* побеждают своих врагов, — это не слоны, как обычно думают, а вьючные животные в войске, — для слонов евреи знали видовое название — *pil*. На это можно возразить, что вообще все лица и явления, обозначаемые намеками в комментарии, в действительности имели свои наименования, однако автор не хотел их употреблять. К тому же домашний скот обозначал ли мог быть одним из грозных признаков войсковой мощи: ассирийские, вавилонские, персидские и др. войска, описываемые Библией, не являлись на завоевание страны без обоза, но библейские авторы оставляли его без внимания, а силу красноречия сосредоточивали на описании боевых коней противника. Упоминание слонов важно тем, что оно позволяет видеть в народе *kitmim* македонян-селевкидов (мнение Михеля и др.). Лошади, называемые в комментарии, также особенно характерны для селевкидской кавалерии, о которой не раз говорится в книге Маккавеев.

Изложив драматическую ситуацию, обрисованную в комментарии: гибель Праведного Учителя от рук Нечестивого Жреца при попустительстве «дома Авессалома», Барроус показывает возможность подстановки разных исторических лиц под эти условные обозначения действующих персонажей. Здесь он осторожно взвешивает все «за» и «против» и приходит к выводу, что все теории недостаточно убедительны при нашем слабом знании исторической обстановки, тем более, что речь могла бы идти и о вовсе не известных истории людях. При всем том факты, иносказательно переданные комментарием, увлечают нас в хасмонейскую эпоху незадолго до римского завоевания 63 года, лет на 100—150 ранее того, как пещеры и Хирбет Кумран были покинуты окончательно. Барроус прослеживает связь комментария с Дамасским документом и Уставом. По мнению некоторых ученых, Дамасский документ возник позднее, чем Устав, и М. Голштейн объясняет это тем, что секта вначале была замкнутой группой со строгой дисциплиной, но затем ослабила свои требования и превратилась в более широкую общину. Барроус полагает, что «социологическое обобщение не может заменить исторического свидетельства» (стр. 92). Здесь с ним нельзя согласиться: если нет прямого доказательства, то самым убедительным доводом может служить анализ общественных отношений, а такой анализ, на наш взгляд, показывает, что в Дамасском документе мы имеем дело с идеологическим объединением, допускающим частную собственность, член которого владеет семьей, домом, имуществом, в том числе и рабами. Организация опирается на политическую власть и вершит правосудие, в число карательных мер

²⁰ Комментарий на кн. Бытия. Барроус еще не знает позднейшего определения.

²¹ Еврейское слово *ʾotot* «знаки», «знамения» вполне соответствует латинскому *signa*.

входит смертная казнь. В противоположность этому, Устав кумранской общины объединяет членов средствами общности труда, имущества и совета. Высшая карательная мера — отлучение, т. е. изгнание из общины на срок или навсегда. Все это доказывает развитие процесса в обратном направлении, т. е. по мере отхода от светских основ начального объединения оно сужало рамки своей организации и превращалось в закрытую коммуны со строгим уставом и аскетическим образом жизни.

Нельзя не согласиться с Барроусом в том, что и в Уставе, и в Дамасском документе можно выделить разные источники, образующие сложную компиляцию (стр. 193). Это подтверждает также текст «Двух колонок» (см. ниже). В вопросе об историчности «Войны Сынов света с Сынами тьмы» Барроус придерживается взгляда, что в ней скорее отражены эсхатологические чаяния, нежели действительные события. В конечных выводах Барроус считает временем возникновения небиблейских книг период от воцарения Антиоха IV Эпифана (175 г. до н. э.) до 40 г. до н. э., т. е. время маккавейского восстания и хасмонейской династии.

Наиболее интересна 4-я часть — история кумранской общины. Лучшим термином для обозначения организации автор считает слово «секта», которое подразумевает организованную группу с определенными верованиями и уставом, осуждающую официальный культ иудаизма с главенством жречества (стр. 227). Интересны объяснения некоторых терминов документов. Так «gabīm» (мн. ч. от ед. ч. gab) — наименование полноправных членов общины («Устав»), которое переводится двояким образом: «многие», «многочисленные» и «старшие», «господа», «начальники», — он переводит английским словом «masters». Древнееврейское слово «ṭohar» — «чистота» он переводит менее удачно — «sacred food», предполагая, что ритуальная чистота, обозначаемая словом «ṭohar», относится прежде всего к еде. Казалось бы, скорее должны иметься в виду пользование совместными омовениями с их приспособлениями и все сопряженные с этим обряды, потому лучше переводить слово буквально. Английское слово «purity», которое Барроус привлекает для объяснения термина, точно передает его содержание. Специальный экскурс посвящен календарю кумранцев, который многие ученые считают совпадающим с календарем «Книги Юбилеев», где год состоит из 364 дней, что дает ровно 52 недели. Месяц насчитывает 30 дней, но в каждом сезоне добавляется один день (по 91 дню) к последнему месяцу. Такой счет времени обеспечивал повторение дней недели и с ними праздников в одни и те же числа, но годичный цикл из 364 дней неизменно накапливал возрастающее расхождение с действительным астрономическим годом, от которого отставал на сутки с четвертью²². Вопрос об общности имущества Барроус разбирает далеко не так подробно, как он того заслуживает. В требовании Устава получить возмещение имущества общины, потерпевшей ущерб по вине кого-нибудь из сочленов, от самого виновника он видит намек на сохранение частной собственности у общинников. Сам по себе этот факт не вполне убедителен: возмещение могло иметь место за счет дополнительного труда в хозяйстве общины.

Суммируя наши сведения о догматах и верованиях секты, Барроус соглашается с формулировкой Броунли: «секта нашла свое рождение в интерпретации Библии» (стр. 247). Основой мировоззрения сектантов, по мнению автора, была борьба с нововведениями в понимании Моисеева закона (имеются в виду новшества внутри самой секты или в развитии традиции устного предания у фарисеев — стр. 251), стремление к соблюдению в условиях эллинистического мира старых юридических и догматических норм, выраженных в Пятикнижии. Здесь невольно возникает вопрос, когда и где эти «старые традиции» соблюдались в такой полноте и чистоте, которая могла бы служить идеалом для позднейшего времени. На наш взгляд, такого периода в истории иудаизма не было вообще, и представление о нем возникло уже тогда, когда существовал единый библейский канон, когда теократи-

²² О календаре «Кн. Юбилеев» и его отношении к кумранцам см. библиографию Барроуса и Аллегро, а также A. J a u b e r t, *Le calendrier des Jubilés et les jours liturgiques de la semaine*, «Vetus Testamentum», VII, 1 (1957), стр. 35—61.

ческая власть синедриона должна была подчиниться требованиям чужой государственности и борьба за сохранение религии получила значение борьбы за сохранение народности. Ни во времена персидского владычества, ни при господстве и борьбе Селевкидов и Птолемеев в Палестине ни в период хасмонеийской династии не существовало полной и всеобъемлющей власти закона Моисеева и только его одного. Такая власть могла быть идеалом известной части теократически настроенных элементов, но не подлинной исторической действительностью для всей массы иудейства в Палестине и за ее пределами. Поэтому, на наш взгляд, говорить о «консерватизме» сектантов не приходится. Стремление замкнутой организации устроить свою жизнь исключительно на нормах Пятикнижия, дополненных — о чем часто забывают западные исследователи — новыми правилами, по существу, является борьбой за новое устройство общества по припявшей, в силу исторических условий, религиозную оболочку. Несмотря на влияние иранских религий, учение кумранцев в основе — одно из течений иудаизма (стр. 271—272) хотя кумранцы считали себя божьими избранниками, не как сыны «избранного народа», а как «сыны света», «люди божьего жребия».

В итоге Барроус считает возможным признать, что кумранцы причастны к ессеическому движению, как оно описано Филоном и Иосифом Флавием (стр. 273—298), понимая термин «ессей» в самом широком значении. Начало их существованию положено группировкой хасидеев в домаккавейский и маккавейский периоды (стр. 298). В пользу отождествления с ессеями говорят главным образом географические соображения: в ограниченном пространстве обитаемой части Иудейской пустыни вряд ли могли действовать две разные организации. К единству пространства и времени следует также добавить единство принципов организации на началах общности труда и имущества. Именно эти два принципа являются определяющими как в учении ессеев, так и в учении кумранцев.

Для изучения связи христианства с иудаизмом рукописные материалы побережья Мертвого моря открывают новые, более широкие возможности (гл. 15). Настроения дохристианского иудейства были известны из описаний историков, теперь к ним прибавляется свидетельство прямых источников. В то же время Барроус заверяет своего читателя, что новооткрытые памятники не могут поколебать устоев христианской религии, так как ни в чем не противоречат текстам Евангелия. Автор считает, что влияние Кумранской секты на раннехристианскую церковь менее вероятно, чем параллельное развитие в условиях единой исторической обстановки (стр. 328). По его мнению, можно найти сходство и параллели и с другими религиозными культурами, как зороастризм или языческие орфические культы.

На наш взгляд, сходство между основной идеей зороастризма и кумранским учением о борьбе двух начал вряд ли можно объяснить только параллельным развитием идеологии, здесь естественнее видеть прямое заимствование через иранскую среду. За время, истекшее с опубликования текстов Устава и Комментария к Хабаккуку, западные исследователи нашли много мелких и крупных точек соприкосновения в их содержании и форме с кругом идей новозаветной литературы. Характерно, что кумранские сектанты называли свое учение «Новым Заветом». Однако эти исследователи видят твердое принципиальное различие обоих вероучений в том, что христианство обращает свою проповедь и новую систему отношений ко всему человечеству, тогда как «высокая мораль» кумранцев целиком стоит на почве библейских воззрений и обращена на ограниченную узкую группу (стр. 331 сл.). Кумранские документы проливают также новый свет на историю Евангелия от Иоанна, которое вряд ли возможно считать теперь наиболее поздним из всех четырех Евангелий, поскольку в нем явно ощущается наибольшее соприкосновение с кругом ессейских идей и настроений и даже с той же географической средой (стр. 338—340)²³. Сам Барроус черты, общие кумранской и «иоаннитской» литературе, объясняет влиянием иранских культов в иудаизме

²³ См. также L. M o r y, The Dead Sea Scrolls and the Background for the Gospel of John, «The Biblical Archaeologist», XVII (1954), № 4, стр. 78—97.

и в других религиях Западной Азии (стр. 339). Еще больше схожества намечается между писаниями кумранских сектантов и такими произведениями раннехристианской литературы, как апокрифическое «Учение 12-ти апостолов», «Послание Варнавы», «Пастырь-Гермы» (стр. 343—344). Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что известные теперь материалы ставят под сомнение некоторые положения, высказанные ранее Р. Ю. Виппером относительно истории христианства и его литературы. Кумранские документы ясно показали, что нет надобности передвигать период возникновения христианства во II—III вв. н. э. Ко времени легендарной жизни Христа уже существовало на почве Палестины предание о Праведном Учителе, объединившем вокруг себя группу верующих и принявшем мученическую смерть от руки гонителей. Новые сведения расширяют наши представления о сложной обстановке кануна иудейского восстания против римлян и дают твердую почву для материалистического изучения монотеистических религий.

Переводы Барроуса рассчитаны на широкого читателя и открывают содержание кумранских памятников в связанном изложении на английском языке, без примечаний и толкования терминов. Некоторые объяснения приведены выше в тексте исследования. Гладкость перевода не дает читателю представления о трудности понимания отдельных мест оригинала и возможности по-разному толковать значение некоторых слов и выражений. Переводчик добавляет нужные для связи слова, заменяет местоимения подразумеваемыми существительными, опускает иногда неясные места без специальных знаков и оговорок. Текст разделен им на главы и абзацы, чего нет в оригинале. Для общего знакомства с содержанием этого достаточно, но для более глубокого изучения нужен перевод, снабженный текстологическим комментарием.

Другой научно-популярный очерк, написанный приблизительно годом позднее, ставит ту же цель дать общее представление о значении рукописей Мертвого моря, в первую очередь для истории новозаветной литературы (см. прим. 3). Автор — английский семитолог Дж. М. Аллегро с 1952 г. является членом международной комиссии по изданию и изучению фрагментов из Иудейской пустыни. Книга Аллегро отличается живостью и яркостью изложения; она много меньше по объему, чем работа Барроуса, и издана в научно-популярной английской серии «Penguin Books».

Книга состоит из 13 коротких глав, рассказывающих историю находки, ее изучения, достигнутые результаты и их значение для современной науки. Кроме того, в приложении даны четыре специальных экскурса: I. Иоанн Креститель; II. Открытия в других пещерах, их значение для истории Кумранской секты; III. Мураббат; IV. Медный свиток²⁴ (стр. 162—184). К очерку приложена библиография (стр. 185—197) и указатели: предметный и использованных библейских текстов.

История находки и продажи рукописей рассказана подробно и с раскрытием собственных имен. Очень интересно описание научно-технической обработки фрагментов рукописей и подготовки их к изданию. Читатель получает наглядное представление о том напряженном и сложном труде, ценой которого добываются новые источники интереснейших сведений.

Переходя к характеристике рукописей, Аллегро прежде всего выделяет среди них библейские. Здесь его наблюдения и выводы в общем совпадают с выводами Барроуса. Историю масоретской версии и историю греческих переводов он излагает более подробно и популярно. Для наглядности он предлагает читателю таблицу сравнения кумранского библейского текста с Септуагинтой и каноническим текстом английского перевода (Revised Biblia). На нескольких примерах Аллегро показывает совпадение текста некоторых кумранских свитков с самаританской версией. Все эти сопоставления подводят к вопросу о возможности установить единый подлинник библейского текста и создать новые научные переводы Библии, не искаженные субъективным толкованием их текста переводчиками. Для буржуазной науки, находящейся под влиянием теологии, этот вопрос весьма актуален, так как затрагивает принцип подлинности «божествен-

²⁴ Материалы этого очерка изложены выше.

ного слова». В связи с этим Аллегро, вопреки всякой очевидности, вынужден утверждать, что научные выводы не в силах поколебать церковной догмы и существование теологического учения о Библии как слове божьем остается неизблемой. Разумеется, для советского читателя такие рассуждения не затемняют сути дела, заключающейся в том, что кумранские тексты дают нам древнейшие образцы неканонического текста Библии и, следовательно, освещают историю канонизации.

В очерке археологических работ Аллегро дает описание открытий в пещерах и раскопов Хирбет Кумрана²⁵. По его предположению, сектанты покинули свое местожительство, заблаговременно укрыв свою библиотеку, а оборону места вели одни zeloty.

Рассматривая вопрос о происхождении секты, Аллегро относит начало ее организации к идеологическим движениям, которые сопутствовали восстанию Маккавеев, но были оппозиционны Маккавеям после их прихода к власти. Община вышла из той среды, где основной целью считали не борьбу за политическую власть и освобождение от чужеземного ига, но создание теократической общины под властью благочестивого жреца (стр. 97). По этому поводу следует заметить, что одно не исключает другого. Те же слои народа, которые тяготились господством сирийцев и египтян и освободились от них ценой огромного напряжения, впоследствии могли отнестись оппозиционно к политике самих Маккавеев и их преемников.

В *хасидим* Аллегро видит родоначальников и есеейского и фарисейского течения (стр. 97—100). Основание кумранской секты он считает результатом деятельности Праведного Учителя (Комментарий к Хабаккуку), современника и антагониста Александра Янная, жертвой которого он погиб. Кухонные сосуды, обнаруженные при раскопках возле стен общежития, в сочетании с некоторыми намеками сектантской литературы дают основание думать, что в Кумране было воздвигнуто новое временное святилище, где приносились жертвы «чистыми руками Учителя, который теперь считался истинным первосвященником Израиля» (стр. 98). Этот далеко идущий вывод может быть принят только после подтверждения дополненными данными археологии и литературы, так как в дальнейшем сам автор объясняет происхождение сосудов и остатков пищи в них ритуальными трапезами с участием всей общины в торжественные дни (стр. 116). События, изложенные в Комментарий к Хабаккуку, подтверждаются фрагментом комментария к Нахуму (Науму), в котором фигурирует Яростный Лев, отождествляемый Аллегро с тем же Александром Яннаем.

В описании образа жизни и учения Кумранской общины Аллегро следует текстам Устава, большие отрывки которого он цитирует в своем переводе. Общество Кумрана он определяет как жрецкое, организованное жрецом-учителем и возглавляемое жрецами, но на демократической основе, несмотря на иерархию (стр. 112). Для характеристики организации он использует также тексты «Двух колонок» и «Дамасского документа». В числе вступительных обрядов Аллегро называет крещение, хотя в Уставе об этом не сказано. По его мнению, жизнь в общине была настолько трудна, что действительными членами становились очень немногие (стр. 108). Предполагается развитие астрономо-астрологических познаний и наблюдений в общине, откуда и идет евангельская легенда о поклонении волхвов. Узловым моментом сакральных обрядов кумранцев Аллегро считает «мессианское пиршество» и усматривает в этом параллель обрядам христианской церкви. Прямое влияние кумранцев в обрядах и календаре наблюдается в учении средневековых караимов и секты Магарийа («пещерники»), которые, предположительно, возникли на рубеже IX в. в том же районе Иудейской пустыни²⁶.

В анализе доктрины секты (стр. 124—133) Аллегро не сообщает ничего нового. Сопоставление мелких явлений с отдельными текстами и эпизодами Евангелия не на-

²⁵ См. выше на материалах отчета де В о.

²⁶ См. P. Kahle, *Die Gemeinde des Neuen Bundes und die hebräischen Handschriften aus der Höhle*, WZML, II (1952/53), 3, стр. 147—148; ВДИ, 1956, № 1, стр. 101.

жется убедительным и, на наш взгляд, более прав Барроус, усматривающий общие источники в литературе эпохи. Более интересна 10-я глава, которая сравнивает библейские тексты цитат в свитках Мертвого моря с такими же цитатами в Евангелии. Известно, что составители Четвероевангелия, как правило, держатся версии Септуагинты рано ставшей официальной Библией христианской церкви. В то же время они иногда приводят тексты, не сохранившиеся ни в греческой, ни в масоретской редакциях (например, Math., II, 6; XIII, 35; XXI, 5) и выражающие оттенки мысли, свойственные самим евангельским авторам. Ту же манеру парафразы и интерпретации Библии Аллегро отмечает для кумранских памятников (стр. 137—140). Черты сходства он прослеживает также в терминологии и фразеологии раннехристианской и кумранской литературы. Здесь замечателен прежде всего термин «Новый Завет», приводимый в Уставе и Дамасском документе. Термин «gabbim» (см. выше) Аллегро переводит словом «множество», «многие» (the Many, стр. 144 и др.) и в этом также видит влияние на новозаветную литературу (Деяния апостолов, VI, 2,5; XV, 12; 30, описание совета в Иерусалиме и собраний верующих). Даже такие частные эпизоды легенды, как спор учеников Христа за тайной вечерей, кто из них должен почитаться большим (Лука, XXII, 24), Аллегро сопоставляет с требованием иерархического распорядка в заседаниях Кумранской общины. При таком подходе можно найти достаточно точек обличения, но в большинстве они мало убедительны. Особенно это касается выводов в части мессианских чаяний кумранской секты и иудеохристианства. Так, долину 'Акора, упомянутую в книге Осии, II, 16—17²⁷, Аллегро отождествляет с современной местностью Буфей'а между Кумраном и Иерусалимом, а так как в новооткрытом комментарии на книгу Исаяи сказано, что победное шествие Мессии в Иерусалим начнется от долины 'Акёр, то он думает, что основоположники поселения Хирбет Кумран избрали его для местожительства именно на этом основании, считая местность «дверью надежды» (Nos., там же). Аллегро объясняет точки соприкосновения евангельского предания с кумранскими текстами тем, что Христос испытал в своих странствиях воздействие городских ессейских общин, живших менее замкнутой жизнью и допускаявших брачные связи и семью для приобретения потомства. Учение, приписываемое Христу, и учение кумранцев он считает элементами одного и того же религиозного движения (стр. 161). Сюда же относится иудеохристианская церковь. Всякий раз, когда Аллегро касается вопросов, имеющих отношение к устоям христианской догматики, его изложение теряет научный характер.

Автор видит в христианстве новую, более высокую ступень развития, воспринявшую идею богочеловека, созданную эллинистической культурой, идею, оставшуюся чуждой и неприемлемой для иудаизма в любой его отрасли. В одном случае (стр. 100) Аллегро доходит даже до предположения, что среди свидетелей столкновения между Нечестивым Жрецом и Праведным Учителем в день Очищения (Комм. к Хабаккуку) могли находиться евангелисты Марк или Лука (!).

Обстоятельный очерк идеологии памятников из окрестностей Мертвого моря содержит работа проф. Г. Молина²⁸. Поместив в своей книге, как делают и другие, подробную характеристику материалов, автор хочет показать несостоятельность преждевременных обобщений и скороспелых выводов, которые с помощью западной прессы легко проникли в широкую публику. Молин смотрит на новые источники взглядом протестантского теолога и сознательно стремится к тому, чтобы сенсационная находка не поколебала религиозных убеждений читателя, обнаружив корни христианского учения в среде и эпохе его возникновения. Тем не менее, его монография содержит серьезную попытку научной классификации достигнутых результатов, преимущественно в области идеологии. Особенность обзора состоит в том, что в начале его помещен немецкий перевод небиблейских текстов первой находки, изданных в 1952 г. Перевод не сопровождается примечаниями, но, в противовес переводам Барроуса и Аллегро,

²⁷ У Аллегро ошибка или опечатка: указаны стихи 14—15.

²⁸ G. Molin, Die Söhne des Lichtes. Zeit und Stellung der Handschriften vom To'en Meer, Wien — München, 1954.

в тексте обозначены спорные, трудные, поврежденные и уничтоженные временем места, и это облегчает читателю понимание характера работы переводчика. Опубликованный ранее перевод Бардтке в аналогичном очерке²⁹ не удовлетворил Молина. Среди основных текстов помещен маленький фрагмент комментария на книгу Михи и фрагмент «неизвестного сочинения», в издании Бартельми и Милика названного «Книга тайн»³⁰. В извлечениях даны также образцы «Благодарственных гимнов» и «Войны сынов света...».

Вторую часть книги составляет исследование. Время возникновения памятников пещеры К 1 Молин определяет следующим образом: Книга Левит, написанная старо-ханаанским шрифтом, относится к IV—III вв. до н. э., затем идут «Война Сынов света с Сынами тьмы», Правовой свиток³¹, Устав, Книга Исаяи, список А (между 150 и 75 гг. до н. э.), Комментарий к Хабаккуку и Дамасский документ (самый поздний — ок. 64 г. до н. э.). В этой периодизации трудно согласиться с определением места «Устава» и «Юридического документа» в одном конце временного ряда, а Дамасского документа — в другом, так как по внутреннему содержанию Дамасский документ и «Правовой документ» отражают приблизительно один и тот же период. События Комментария к Хабаккуку автор также относит ко времени и личности Александра Янная (103—76 гг.), уточняя дату до четырехлетия 94—91 гг. Лжец — кто-нибудь из вождей фарисеев, возможно, Симон бен Шетах, тесть Янная. Что такое «дом Авессалома», пока определить нельзя, некоторые полагают, что это ессеи, но автор не согласен с таким мнением (стр. 90). «Устав» Молин справедливо считает самым интересным из документов. Он отчетливо определяет уравнильные принципы, объединявшие секту. Тем не менее, в требовании «Устава» от виновного в ущербе возместить порчу общественного имущества он также видит признак наличия имущественного неравенства среди членов секты (стр. 99—100). Молин считает, что «Устав» сложился под заметным влиянием Второзакония и книги Исаяи, на ранней стадии существования секты, так как он еще не знает конфликта между сектой и государственной властью (гибель Праведного Учителя), которая отражена в позднее возникшем Комментарий к Хабаккуку (стр. 100). «Война Сынов света...» описывает исторические события, предшествующие и сопутствующие восстанию Маккавеев, их можно проследить точно вплоть до победоносного вступления маккавейского войска в Иерусалим (163 г. до н. э.). Несмотря на условность повествования, оно изображает действительную борьбу (стр. 106). Народ *киттим* — греко-македонцы государств Селевкидов и Птолемеев. Весь процесс борьбы с чужеземными завоевателями нарисован как эсхатологическая битва между добром и злом на земле и в потустороннем мире, где сражаются ангелы и демоны (стр. 107).

Дамасский документ показывает особый статут существования секты в период ее эмиграции в Дамаск. Называемая в тексте дата возникновения организации благочестивых остатков Израйля — 390 лет после разрушения первого храма — объясняется, по мнению автора, из условного обозначения: 400—10, по соответствию с 40—1, т. е. с максимальным числом ударов, полагающихся преступнику по уголовному кодексу Пятикнижия. Видеть в нем реальную дату из этих соображений невозможно.

Наиболее существенная часть исследования рассматривает теологическую систему сектантов, которую можно с осторожностью сопоставить с учением ессеев, насколько оно известно из сообщений античных авторов (стр. 118). Эту систему Молин рассматривает по пунктам: 1) учение о боге и ангелах; 2) космология (здесь интересны параллели, отыскиваемые в древневосточных литературах, в частности, в угаритской мифологии); 3) антропология, под которой Молин понимает роль человека в мироздании, согласно Библии и согласно учению кумранцев; 4) экклесиология, учение об образую-

²⁹ H. B a r d t k e, Die Handschriftenfunde am Toten Meer, В., 1953.

³⁰ D. B a r t h é l e m y and J. T. M i l i k, Discoveries in the Judaean Desert, I, № 27.

³¹ «Rechtsrolle» = «Две колонки», B a r t h é l e m y and M i l i k, ук. соч., № 28.

пейся из общины перкви, в центре которого стоит представление о божьих избранниках; 5) сотериология — учение о Мессиях, об искуплении, наличие которого у кумранцев автор, впрочем, ставит под сомнение; 6) эсхатология (стр. 119—157). Таким образом, здесь мы видим законченный обзор религиозных воззрений кумранцев.

В конце своего исследования Молин также обстоятельно разбирает связь кумранской литературы с другими идеологическими течениями близкой ей эпохи возникновения христианства: движение Иоанна Крестителя, секта эбйонитов (иудеохристиан), мандейство, раннехристианская церковь. Особое внимание уделяется истории Евангелия от Иоанна. Молин прослеживает все линии соприкосновения как в форме, так и в содержании, отмечает влияние иудейских источников на христианские, но, также как и другие буржуазные исследователи, отказывается признать какие-нибудь из этих учений тождественными организации кумранских ессеев. По его мнению, христианское учение — качественно новое явление, которое переработало возникшие до него и наряду с ним идеологические течения, поэтому памятники кумранцев лишь расширяют наше представление о той почве, из которой оно выросло. Критически используя работу Молина, советский читатель может извлечь из нее много интересного для изучения идеологии Ближнего Востока того времени, и, кроме того, легче поймет систему осмысления новооткрытых материалов, усвоенную современной идеалистической историографией.

По сравнению с обзорами подобного типа больший интерес для специалиста представляют новые издания самих первоисточников. Значительное событие в этом плане составляет выпуск I тома полного свода всех текстов, открытых в районе Иудейской пустыни. Это издание осуществляется силами Иорданской службы древностей, Французского археологического института в Иерусалиме и Палестинского археологического музея³². Помимо издателей Д. Бартелеми и Ж. Т. Милика отдельные вводные статьи написаны другими специалистами, в числе которых де Во и Хардинг. Вводная часть дает исчерпывающий обзор всех найденных материалов, в том числе анализ керамики, иллюстрированный чертежами сосудов, и каталог всех сохранившихся фрагментов тканей, обнаруженных при рукописях, с их описанием и технологическим анализом. Последний устанавливает местное происхождение тканей и их специальное назначение для покровов свитков. Датируются они радиоуглеродным методом. К каталогу приложено воспроизведение фрагментов ткани в чертежах. Специальная заметка касается техники разворачивания слежавшихся рукописных фрагментов.

Вторая, основная, часть книги публикует тексты в транскрипции квадратным шрифтом с французским переводом и комментариями и параллельно в таблицах факсимиле. Введение к этой части характеризует найденный материал и прежние его публикации. К технике чтения относится раздел, посвященный применению инфракрасных лучей для проявления текста, потерявшего четкость. Таблица условных знаков указывает обозначения сомнительных и других мест в чтении и переводе. Цель издания собрать и опубликовать вместе все мелкие фрагменты из 1-й Кумранской пещеры (Айн-Фешха), которые отпали от найденных полных рукописей или представляют дополнительный новый материал. Иные из фрагментов сохранили лишь несколько слов или даже несколько букв. Все тексты по содержанию делятся на две группы: библейские и небиблейские. Из книг Библии мы видим здесь части Пятикнижия: Бытие, Исход, Левит, Второзаконие. Из «пророков»: кн. Судей, Самуила, Исаи (части списка В из Иерусалимского университета). Из агиографов опубликованы отрывки книги Псалмов. В число библейских текстов попал кожаный филактерий, присутствие

³² Discoveries in the Judaean Desert, I, Qumran Cave I, by D. Barthélemy and J. T. Milik with contribution by R. de Vaux, H. J. Plenderleith, G. M. Crowfoot, G. L. Harding (Jordan Department of Antiquities. École Biblique et Archéologique Française. Palestine Archaeological Museum), Oxf., Clarendon Press, 1955, reprinted 1956, 165 стр., 37 табл. Текст на англ. и франц. языках.

которого в пещере, по мнению Цейтлина, доказывает позднее происхождение найденных рукописей. Высказывалось предположение, что филактерий мог попасть в пещеру при первом ее вскрытии, ок. 800 г., упоминаемом в письме патриарха Тимофея (см. ВДИ, 1956, № 1, стр. 104).

Вторая часть, небиблейские тексты, делится на несколько разделов: А — комментарии к книгам Библии: Михи (Михея), Цефании (Софонии), Псалмов; В — апокрифы: Книга Юбилеев (два фрагмента), книга Ноя. Ошибочно причислен сюда «Апокалипсис Ламеха», который на самом деле является комментарием на главы 5—15 книги Бытия (см. выше) и должен был бы войти в предшествующий раздел. Затем следуют отрывки из «Завещания Леви» и «Слова Моисея» (довольно большие фрагменты) и три фрагмента неизвестных апокрифов, из них два на арамейском языке. Отдел апокрифов заканчивается отрывком из «Книги тайн», до сих пор неизвестной (№ 27). В раздел С вошли тексты литургического и юридического содержания. Из них интереснее всего дополнительные части свитка «Устава», которые были проданы отдельно от основной рукописи и попали в 1950 г. в Палестинский археологический музей³³. О принадлежности к списку «Устава» свидетельствуют палеографические признаки, разрезы кожи в местах соединений и остатки заглавия на месте сшива с 1-й колонкой «Устава». В содержании текста полного сходства с «Уставом» тем не менее нет: предписания дополнительной части упоминают женщин и малых детей (ta), определяют брачный возраст, обязанности военной службы. Из текста видно наличие первосвященника и «Мессии Израиля» (светского правителя из дома Давида?). Этих особенностей достаточно, чтобы предположить в отрывке отражение норм другой группировки внутри есеевского(?) движения или другого этапа в истории развития секты. Решить этот вопрос может только специальное исследование. Во всяком случае, издатели поступили правильно, выделив дополнительный текст особым заголовком «Règle de la Congrégation» («Устав Конгрегации») и обозначением 1 Q Sa³⁴ в отличие от «Устава», озаглавленного «Règle de la Communauté (Устав Общины)-IQS. Помимо «Двух колонок», дополнительные части свитка «Устава» заключали еще шесть столбцов текста специальных благословений для всех членов организации, для жрецов и для первосвященника. Характер повреждений кожи свитка показывает, что эти его части при сворачивании оказались внешними, они пострадали сильнее других от атмосферных изменений и грызунов.

Содержание благословений сближает их, с одной стороны, с текстом «Двух колонок» с другой — с таким произведением, как «Война Сынов света с Сынами тьмы». Интересно благословение «князя» (nāsī) Израиля, который выполняет функции военного вождя. Несмотря на плохое состояние фрагментов, текст читается довольно связно. За этим следуют небольшие куски отрывка, названного издателями «Литургией трех огненных языков», два неизвестных литургических текста (№№ 32—33), описания Нового Иерусалима и маленькие кусочки свитка «Войны Сынов света с Сынами тьмы». Эти произведения могли бы, пожалуй, находиться в одном отделе с апокрифами, которым они близки по содержанию. Последняя группа фрагментов (№№ 34—39) относится к благодарственным гимнам и в заключение идут неопознанные тексты на древнееврейском и арамейском языках (№№ 41—69). Отдельно напечатан текст фрагмента папируса. Последними, в виде приложения, помещены фрагменты двух списков книги Даниила. В конце тома приложен указатель использованных библейских текстов и список еврейских и арамейских слов, который может служить конкордансом к тексту и одним из источников будущего сводного словаря к документам Мертвого моря. Таблицы факсимиле охватывают весь текст, за исключением двух последних фрагментов книги Даниила.

Издание I тома свода знаменует собой крупнейшее достижение в изучении новых материалов.

Годом раньше было опубликовано сводное издание рукописей, принадлежащих Ие-

³³ Упомянувшиеся уже «Две колонки».

³⁴ S означает Serek — «Устав» (по-древнееврейски).

русалимскому университету³⁵. К ним относится 2-й, неполный список Исайи (Исайя В). «Война Сынов света...» и «Благодарственные гимны». Издание подготовил к печати известный израильский археолог Э. Л. Сукеник. Но смерть помешала ему довершить начатое, и книга вышла трудами специального комитета под руководством Н. Авигада. Состояние найденных рукописей, по мнению Сукеника, подтверждает его гипотезу относительно того, что пещеры служили «генизой» — кладовой для изъятых из обращения рукописей. Массовое укрытие рукописей было вызвано, быть может, бегством сектантов в Дамаск (стр. 22—24). Основное значение находки Сукеник видит в том, что она увеличивает скудный материал по истории древнееврейского языка и литературы, в частности, доказывает древнее происхождение литературы «мидрашей» (толкований на книги Библии). Для библеистики открытие неизмеримо ценно прежде всего в области истории масоретского текста и греческих переводов Библии (стр. 27). Общество, которому принадлежали свитки, Сукеник также считает ессейским (стр. 29).

Издание текстов сопровождается их характеристикой. К списку Исайи приложена таблица разночтений по обоим кумранским свиткам и масоретскому (древнееврейскому каноническому) тексту. К «Войне Сынов света...» присоединены мелкие фрагменты, найденные в пещере отдельно. Временем ее создания Сукеник считает дохасмонейский период, а временем записи — последние десятилетия перед Иудейским восстанием. Народ *киттим* — Птолеми и Селевкиды. К «Благодарственным гимнам» также добавлены их отпавшие части. Их автора Сукеник предположительно отождествляет с «Праведным Учителем», так как в тексте гимнов упоминается чаяние избавления, вместо которого певца постигли гонения (стр. 39). Трудно думать все же, что пастрояния такого рода были присущи лично легендарному главе секты. Вероятно, у рядовых членов общества для них было не меньше оснований.

Иллюстрации к изданию воспроизводят виды местности и снимки со свитков. Полезна для читателя сравнительная таблица письма. Недостаток издания составляет отсутствие филологического комментария к тексту и указателей. Библиография дана в подстрочных примечаниях.

Проделанная к этому времени работа способствовала появлению в последние годы и монографических изданий отдельных текстов в сопровождении исследования. И. Ядин выпустил капитальное издание «Войны Сынов света с Сынами тьмы»³⁶.

Монография распадается на две части: обширное введение (стр. 3—243), цель которого дать полную сводку и классификацию материала и критическое издание текста с подробным филологическим комментарием (стр. 246—368). Введение состоит из 12 глав, большинство которых занято реалиями и техникой ведения войны. В последних главах приводится общий итог и приведена сводка лексикографического материала «Войны...», сближающая ее с другими кумранскими памятниками. Сводки сравнительного и иллюстративного характера встречаются в монографии повсюду. В конце приложены индексы: отдельных слов и выражений, именные указатели по языкам, указатели использованных источников и предметный указатель (стр. 371—397). Библиография дана в подстрочных примечаниях, но список сокращений называет важнейшие из использованных пособий (стр. 16—17). Весь текст на древнееврейском языке, но к нему приложены титульный лист, оглавление и перечень содержания глав по-английски (стр. III—VI). Таблицы содержат факсимиле оригинального текста. Несмотря на значительный объем монографии, в ней отсутствует удовлетворительный анализ полити-

³⁵ The Dead Sea Scrolls of the Hebrew University, ed. by E. L. S u k e n i k, Jerusalem, 1955, 44 стр., 58 таблиц, транскрипция текста, 10 табл. илл., 58 табл. факсимиле текста. Текст введения и примечаний на английском языке. Такое же издание целиком на древнееврейском языке под заглавием 'Ošar hamēgillōt haḡenūzōt вышло там же в 1954 г.

³⁶ Y. Y a d i n, Mēgillat milḥamat bēnē 'or bibēnē ḥōšek mimmēgillōt midbar Jēhūdā. The Scroll of the war of the Sons of Light against the Sons of Darkness, edited with an introduction, emendations and a commentary..., Jerusalem, 1955.

ческой обстановки и социальных условий в Палестине, отражением которых является «Война Сынов света...». Этим объясняется, надо думать, неуверенно выраженная и вряд ли верная датировка сочинения: автор относит его к периоду перед разрушением II храма, т. е. незадолго до 70 г. н. э. «Война Сынов света...» скорее всего близка маккавейским войнам последнего периода (возникла позднее книги Даниила). Несмотря на общие черты с текстом «Устава», главным образом, в лексикографии, «Война...» относится к начальному периоду деятельности секты и знаменует собою движение хасидеев, тогда как «Устав» отражает последнюю ступень развития секты, оформившуюся в замкнутую примитивно-коммунистическую общину, действующую средствами идеологической борьбы. В идеологии иудаизма Ядина интересует только религия. Поэтому его монография не разрешила кардинальных вопросов, связанных с памятником, и значение ее главным образом в том фактическом материале, который она предлагает исследователю.

Другой пример специального изучения одного только памятника мы видим в монографии немецкого специалиста К. Эллигера, посвященной кумранскому комментарию на книгу Хабакуку с критическим изданием текста³⁷. Наши библиотеки не располагают еще этой работой, и приходится судить о ней на основании рецензий³⁸. Исследование Эллигера отличается тем, что он пытается разрешить проблемы, выдвигаемые памятником, исходя исключительно из собственного текста рукописи, отвлекаясь от его несомненной связи с остальными. Он делает это умышленно с целью избежать преждевременных выводов, построенных на гипотезах, вытекающих из недостаточного выверенного материала. Сам по себе этот метод вряд ли правилен, поскольку понимание одного из произведений эссеистского круга без сопоставления с другими и со всем комплексом в целом невозможно. Автор старался охватить исследованием все пункты, связанные с содержанием комментария. Памятник возник либо в первые десятилетия владычества римлян, либо в первые годы правления Ирода Великого. Нечестивый жрец и Человек лжи — одно и то же лицо. Основная идея Комментария, по мнению автора, выражается в пророческом предсказании конца света и одновременно в сознании того, что современная действительность уже переживает этот конец. Работа Эллигера написана в очень короткий срок, если учесть, что текст Комментария появился впервые в 1950 г., а в 1952 г. исследование было уже написано. В начале работы автор еще не имел возможности пользоваться трудами других специалистов, в частности, их переводами того же памятника. Позднее он привлек появившиеся переводы и толкования других, но воспринял и переработал их критически. По точности исследования и полноте привлеченных данных рецензент К. Шуберт считает эту работу лучшей из того, что к этому времени было написано о рукописях 1-й Кумранской пещеры.

Подводя общий итог, можно прийти к заключению, что изучение рукописей из пещер Иудейской пустыни вступает в новый период, когда общие обзоры материалов не могут принести чего-либо существенно нового для подготовленного читателя, помимо дополнений и уточнений к отдельным вопросам. Особое значение приобретает система издания всех археологических и литературных источников, появление очередных томов которых каждый раз будет крупным событием для заинтересованных. На базе материалов следует ожидать публикации крупных монографических исследований отдельных проблем. Число специальных статей достигло такого объема, который выходит уже за пределы общего обзора. Важнейшие из них можно найти в библиографических приложениях к трудам Аллегро, Барроуса и в других очерках того же типа.

К. Б. Старкова

³⁷ K. Elliger, Studien zum Habakuk-Kommentar vom Toten Meer («Beiträge zur historischen Theologie», hrsg. von Gerhard Ebeling, Bd. 15), Tübingen, 1953.

³⁸ K. Schubert, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. 52, Heft 3-4 (1955), стр. 406—408; I. Van der Ploeg, «Bibl. Orient.», XI (1954), стр. 128—131.